

А. Д. Дмитриев

ВОССТАНИЕ ВЕСТГОТОВ НА ДУНАЕ И РЕВОЛЮЦИЯ РАБОВ

Для судеб Римской империи восстание вестготов на Дунае в 376 г. имело огромное значение. Оно не только пробило великую брешь на северных границах империи, через которую хлынули ее будущие завоеватели, но вместе с тем оно развязало все внутренние революционные силы и вызвало продолжительную и ожесточенную народную войну против римского ига, облегчившую и утверждение в империи варваров и их дальнейшие походы для ниспровержения римской власти на Западе. Не будет преувеличением сказать, что это восстание явилось началом конца мировой Римской державы.

Буржуазные историки обычно трактуют это восстание только как военный мятеж готов-германцев. Хотя они и указывают на «помощь» готам со стороны рабов и колонов, приводя известное место Аммиана Марцеллина (XXXI, 6, 5, 6), но совершенно не показывают того размаха и той огромной мощи, какие приняла освободительная борьба поработанных масс дунайских провинций во время этого восстания.

В действительности анализ источников обнаруживает, что восстание вестготов не имело специфически военного характера и не напоминало обычных в империи военных бунтов. С самого начала оно имело ярко выраженный антирабовладельческий, революционный характер и явилось результатом стихийного взрыва негодования поселенных на римской территории и поработанных римскими рабовладельцами варварских масс. Оно дало сигнал к всеобщему восстанию рабов и колонов в дунайских провинциях и послужило опорой в их освободительной борьбе.

Для уяснения истинного характера событий на Дунае в 376—378 гг. необходимо иметь в виду, что восстание вестготов происходило в обстановке весьма резкого обострения классовых противоречий в провинциях империи. Все современники дают мрачную картину римского общества 70—80 гг. IV в. Знатные и богатые свыше меры угнетали простых людей; магистраты, часто преступные и жестокие, накладывали на трудящихся невыносимое бремя налогов и податей.

Теперь действительно «римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во всё более глубокую нищету»¹. Обилие бедных, нищих,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 167—168.

бездомных людей, не имевших возможности заработать даже на полуголодную жизнь, бросалось в глаза современникам.

«Обыватели городов, — замечает З о с и м (IV, 29, 2), — угнетаемые собственной нищетой и порочностью начальников, влачили жалкую и бедственную жизнь, умоляя богов, чтобы они освободили их от этих несчастий». Амвросий Медиоланский писал о богачах своего времени, что они непрестанно увеличивают границы своих полей, прибавляют имение к имению, дом к дому, сгоняют бедняка с его небольшого участка, выбрасывают несчастного за пределы его отцовской земли, строят жилища для диких зверей и разрушают жилища людей (A m b r o s ., de Nabuthae, III, 11, 12). Обращаясь к богачам, он говорил: «Вы одеваете стены, а обнажаете людей. Перед твоим домом вопиет нагой, а ты не обращаешь внимания; вопиет нагой человек, а ты озабочен, каким мрамором выложить твои полы. Бедный просит денег и не получает, человек требует хлеба, а твой конь грызет в зубах удила золотые...» (там же, XIII, 56).

Это не риторика и не декламация красноречивого церковного проповедника, как обычно пытаются утверждать современные буржуазные апологеты римского мирового господства. Это живые описания действительных социальных отношений в мировой империи в момент, когда варвары-завоеватели уже стояли у самых ее дверей.

Григорий Нисский подобным же образом описывает положение на Востоке. «Почему, — спрашивал он богача, — никто из тех, кого ты видишь, не возбуждает в тебе сожаления? Видишь скитающихся людей: подобно животным, рассеялись они для отыскания пищи. Рубища, коими они владеют, — вся их одежда; палки в руках — это и оружие и опора их... Дырявая котомка и в ней кусок хлеба, испорченный плесенью и гнилью, — эта котомка составляет для них очаг, дом, подстилку, кровать, кладовую и все, что требуется для жизни... Отовсюду изгоняемые, они, стекаясь друг к другу, составляют целый народ»¹.

Проповеди В а с и л и я К а ш п а д о к и й с к о г о, произнесенные в 368 г. по случаю голода и засухи, также дают нам яркую картину социальных отношений в это время. «Каким образом представить перед твоими глазами страдания бедняка? — говорит он. — Бедняк приходит в свой дом и видит, что у него нет денег и нет возможности достать их. Его имущество и его одежда таковы, каковы могут быть у бедняка, — они стоят едва несколько оболв. Что же будет он делать? Его взгляд падает, наконец, на детей. Он думает, что если он ответит их на рынок, то он найдет средства спастись от голодной смерти» (Hom. VI in evang. Luc.).

В своих письмах Василий Каппадокийский говорит, что в области Неокесарии в Понте ростовщики, вследствие задолженности бедняков, даже продавали последних в рабство (№ 299, M i g n e, PG, XXXII, стр. 1041).

Такую же картину резкого имущественного неравенства в малоазийских городах в начале V в. дает Астерий, епископ Амасейский. Он говорит о немилосердных богачах-ростовщиках, которые, сами купаясь в роскоши, тем не менее преследовали бедных должников с неумолимой жестокостью. Они вынуждали бедняков продавать землю, скот, орудия труда, чтобы окончательно задушить их свободу и обратить их в рабов (Hom. III, M i g n e, PG, XL).

Развитие патронии размывало свободное крестьянство, которое массами пауперизировалось. В своих речах Либаний, касаясь положения крестьян в восточных областях империи, говорит: «Есть большие деревни, каждая из них имеет много господ. Они прибегают к помощи солдат,

¹ Григорий Нисский, О нищелюбии и благотворительности, Творения, VII, стр. 418.

которые помещены у них на постое, не для того, чтобы себя обезопасить, но чтобы другим вредить. Выставив на защиту себя их десницы, патроны покупают себе свободу действий и полный произвол. И вот одни причиняют крестьянам бедствия и хлопоты, отнимают участки земли, вырубая деревья, хватают их скот, режут его, разнимают на куски и съедают... Что же говорить после того о побоях, издевательствах... о том, как они делают для крестьян негодными колодцы, кидая в них отбросы, как лишают их рек и с ними садов»¹.

Сборщики налогов и магистраты, по словам Л и б а н и я, накладывали на крестьян такие тяжелые подати и повинности, что даже состоятельные люди разорялись и становились бедняками. В результате разоренные крестьяне залезали в долги и, не имея возможности расплатиться с ростовщиками, вынуждены были продавать не только свои участки, но и самих себя, или спасаться бегством от кабалы, уходя в бродяжничество, и разбой (Orat. XLVII, 7, 8; ср. Orat. XXX, 11—13).

«У занятых земледельческим трудом в прежние времена были и ларцы, и платья, и статеры, и браки с приданым. Теперь же приходится проходить мимо многих запущенных полей, которые привело в запустение взыскание податей с пристрастием... и тем, кто остается еще по деревням, не к чему запираť дверей, так как у них ничего нет» (L i b., Orat. II, 64). «Вот что превращает земледельцев в разбойников, вот что влагает им в руки железо, не то, которое дружит с землей, а то, которое убивает» (L i b., Orat. XLVII).

Разоренный и обезземеленный крестьянин становился разбойником (latro). Либаний отмечает, какие большие размеры приняло в его время движение latrones. В пустынных местах Сирии образовались целые поселения беглых крестьян (Orat. XLVIII, 36; ср. A m m. M a r c., XXVII, 2, 11—14). Правительство жестокими мерами стремилось искоренить их. Власти окружали военными отрядами поселения этих latrones и поджигали их лагуги вместе со скарбом и обитателями их. «Матерей с грудными младенцами в объятиях руки палачей сталкивали в гнев в огонь» (A m m. M a r c., XXVII, 2, 14). Захваченных живыми «стражи городов отправляли в пропасть» (L i b., Orat. LXIV, 36). Но, несмотря на это, latrones все более размножались. Они «рассеялись по всей стране» (L i b., Orat. XXIII, 18), своими нападениями прекращали движение на дорогах (L i b., Orat. XLVIII, 35; L, 26), «не щадили ни земли, ни моря» (L i b., Orat. XXV, 40).

Кроме этих описаний современников, мы имеем еще весьма интересный источник, ярко отражающий социальную обстановку в Восточной империи накануне восстания вестготов. Это докладная записка неизвестного автора «De rebus bellicis», составленная между 366—376 гг. и поданная, вероятно, императору Валенту². Автор, озабоченный укреплением ослабленной мощи государства, обращает особенное внимание императора на различные внутренние язвы империи, которые, как он говорит, глубоко въелись в общественную жизнь и, по его мнению, создают прямую угрозу империи перед лицом вторгавшихся варваров. Он нападает на начальников мотных дворов, которые выпускают фальшивые или неполноценные деньги и тем возбуждают народ. Он говорит, далее, о сборщиках налогов, которые высасывают их из народа вместе с кровью, и о судьях, которые вместо того, чтобы пресекать их произвол, покрывают кровопийц. К этому

¹ Л и б а н и я, Речь XLVII, 4, 5, 6 (русск. перев. под ред. С. Шестакова, Казань, 1912).

² Anonymi de rebus bellicis liber, ed. R. Schneider, 1908: ср. O Seeck, RE, I, 2325.

присоединяется еще тяжелое бремя военных постоев, которые поглощают огромные средства, при этом солдаты ведут себя как настоящие грабители крестьян: куда они приходят, они хозяйничают, как варвары во вражеской стране. Все это, по словам автора, приводит к тому, что угнетенная беднота встает на путь различного рода преступлений; она удовлетворяет жажду мести разными злодеяниями, и по провинциям ходят толпы измученных подданных, опустошая поля, грабежами нарушая покой, пылая ненавистью к властям и поддерживая тиранов.

Такова была социальная обстановка в восточных провинциях империи накануне восстания вестготов на Дунае. Здесь уже бурлила народно-освободительная борьба, встречавшая поддержку вторгавшихся варваров и сливавшаяся с этими вторжениями. Главным центром этой борьбы сделалась Фракия, как показывают события, связанные с восстанием узурпатора Прокопия, близкого родственника императора Юлиана.

Весной 365 г. Прокопий поднял восстание против императора Валента¹. Конечно, за спиной Прокопия стояла группа придворной знати, враждебная Валенту, а сам Прокопий в своей борьбе преследовал только личные, узурпаторские цели. Но его восстание вызвало широкое народно-освободительное движение во Фракии и Малой Азии, на которое он поспешил опереться в своей борьбе за престол.

Источники говорят о свирепом режиме террора, который царил в это время во Фракии. Здесь хозяйничал тесть Валента, префект претория Петроний. Алчность и жестокость этого вельможи привели провинциалов в полное отчаяние. «Он сгорал желанием, — пишет Аммиан Марцеллин, — обобрать всех без разбора при взимании налогов. Виновные и невинные одинаково присуждались им после утонченных пыток к уплате вчетверо; разыскивая старые недоимки со дней императора Аврелиана, он впадал в отчаяние, если ему приходилось отпускать кого-нибудь, не осудив его... Обогащаясь за счет чужих стенаний, он был неумолим, жесток и до крайности бессердечен, не способен ни сам кого-нибудь оправдать, ни принять оправдание. Благодаря ему, много домов как бедных, так и знатных, были полны горя и слез, и ожидание еще более тяжкого положения в будущем до глубины души угнетало как граждан, так и солдат, стонавших под одинаковым бременем» (A m m. M a r c., XXVI, 6, 7—9).

Вот почему Фракия доставила Прокопию много приверженцев, тем более, что он не скупился на демагогические обещания. Он набирал себе силы именно в этой провинции, где было много варваров — солдат, колонов и рабов, «стонавших под одинаковым бременем». Эти внутренние варвары, потерявшие под небом империи свою свободу и угнетаемые свыше меры, играли видную роль в восстании Прокопия. Они стекались под его знамена со всех сторон, увлекаемые надеждами освободиться от невыносимого гнета империи.

Зосим прямо говорит: «Ρωμαίων τε γὰρ τάγματα καὶ βαρβάρων αὐτῷ πλῆθος προσετίθετο». Что словами «πλῆθος βαρβάρων» Зосим обозначил массу варваров-поселенцев внутри Фракии, ясно видно из того, что несколько ниже он отдельно говорит о вспомогательных отрядах внешних варваров, пришедших на помощь Прокопию из-за Дуная². Зосим также говорит

¹ A m m. M a r c., XVII, 14, 3; XVIII, 6, 17; XXIII, 3, 2; XXV, 9, 12; XXVI, 6—10; Z o s i m., IV, 4—8; P h i l o s t o r g., Hist. eccl., IX, 5.

² IV, 7, 1—2: «К нему (Прокопию) присоединялись отряды из римлян и множество варваров... Тотчас же он отправил некоторых из приближенных к правителю живущих по ту сторону Истра скифов, который послал ему в помощь десять тысяч мужественных варваров: начали собираться и другие варварские народности, намереваясь принять участие в нападении».

и о толпах рабов, бежавших к Прокопию¹. Таким образом, варварские наемники, колонны и рабы были основной силой в войске узурпатора.

Его восстание поэтому получило характер широкой народно-освободительной борьбы против римского порабощения при поддержке варварских племен, пришедших из-за Дуная. Именно это обстоятельство и придало восстанию Прокопия такой широкий размах, и, как выражается Аммиан Марцеллин, оно «разразилось такими страшными бедствиями для государства» (XXVI, 6, 19). Сам Аммиан Марцеллин с нескрываемым презрением относится к тем революционным элементам, на которые опирался узурпатор. Он называет их «толпой продажных солдат», «беспорядочной чернью», «кучкой простонародья», «смешанной толпой дезертиров», «подонками общества» (XXVI, 6, 14, 18; 7, 7, 14; 10, 3). «Люди, принадлежавшие к подонкам общества,— сетует он,— выдвинулись наверх самым дерзким образом, тогда как представители высшей знати падали со своих высоких постов, терпели высылку и даже смертную казнь» (Am m. Marc., XXVI, 7, 7.; ср. Themist., Orat. VII, 91).

Когда гражданская война перебралась в Малую Азию, она и там вызвала широкое движение угнетенных масс, охватившее области Вифинии, Фригии и Лидии. Войска Валента были разбиты, и только измена двух высших командиров войска Прокопия решила дело в пользу Валента. В мае 366 г. восстание было подавлено, и Прокопий бежал в покрытые лесами горные области Каппадокии, надеясь там поднять народ против Рима, но снова двое из его приближенных изменили ему и связанного доставили к Валенту. Прокопий, этот «разбойник» и «возмутитель черни», как называют его наши источники², был приговорен к самой ужасной казни: его привязали ногами к верхушкам двух пригнутых к земле деревьев, и он был разорван пополам.

Тот массовый террор, который Валент обрушил на Фракию после подавления восстания, ясно свидетельствует о широких размерах освободительной антиримской борьбы фракийского населения, поддерживавшего Прокопия. Валент послал карательную экспедицию под начальством Виктора и Ариуфея усмирить Фракию и наказать готов, поддерживавших освободительную борьбу. Это был настоящий разбойничий поход императора против своих подданных, новая война империи против фракийского народа. В то время как часть римских войск ворвалась во внутренние области готов, другая чинила кровавую расправу во Фракии.

Репрессии Валента превзошли всякую меру. Опустошались целые селения, поджигались дома, разрушались города, которые оказывали сопротивление, массами избивались жители. «Палач, орудия пыток, кровавые допросы,— рассказывает Аммиан Марцеллин,— начали свое шествие, не разбирая ни возраста, ни пола, ни сана. Над людьми всякого положения и всех слоев общества под предлогом водворения мира творили ужасный суд, и все проклинали несчастную победу, более тяжкую, чем любая истребительная война. Много невинных попало в руки мучителей, и они или склоняли головы на пытке, или умирали под ударом секиры свирепого палача... И не было никакого предела этим ужасным бедствиям, пока сам император и его близкие не пресытились деньгами и кровью»³.

¹ IV, 5, 5: «Кроме этого они [Прокопий и его соучастники] вооружили рабов и без особенного труда собрали большую толпу их, многие из рабов и сами добровольно присоединялись к ним».

² Chron. min., ed. Mommsen, I, стр. 240; Symmach., Laud. in Valentin., I, 6, 21.

³ Amm. Marc., XXVI, 10, 9 и 13—14; ср. Themist., Orat. X, 134—138 и Symmach., Laud. in Valentin., I, 6, 20—21.

Развитие освободительного движения в 70—80 гг., сливавшегося с усиливавшимся напором варваров, создавало в провинциях крайне напряженную обстановку и вызывало страх и тревогу правящего класса империи. Этот «общий страх», охвативший высшие слои римского общества, отразил Амвросий Медиоланский в своей речи «de excessu fratris sui Sauri». Эта речь была произнесена как раз в тот момент, когда квады и сарматы в 374—375 гг. проникли в империю и захватили многие области¹. Через Фракию и Иллирию сарматы, не встречая большого сопротивления, устремились далее на запад, прошли венецианскую область и вторглись в северную Италию, все опустошая огнем и мечом и захватывая много пленных.

На могиле своего брата Сатура, умершего в феврале 375 г. в Милане, Амвросий произнес надгробную речь, и он не мог удержаться от того, чтобы не выразить в ней тревоги и опасений своего класса. Его явно пугала ситуация в империи, так как, по его словам, «всюду можно было ожидать восстания варваров» (de excessu Sat., I, 30, Migne, PL., XVI, стр. 1289).

Обращают внимание в этой речи именно чрезмерно пессимистические суждения автора, когда известно, что вторжение сарматов было скоро победоносно отражено Валентинианом I. Несмотря на это, Амвросий употребляет очень сильные выражения, в мрачных красках рисуя социальную обстановку. Он говорит о «totius orbis excidia», о «mundi finem», «propinquo funera», «civium mortem» (там же).

Едва ли эти выражения в данном случае можно рассматривать только как ораторские преувеличения Амвросия. Этот тон, несомненно, вызывался тем тревожным положением, которое создалось в Италии и провинциях. Нельзя забывать, что Италия и провинции уже были наполнены сарматскими рабами, колонами, летами, гентилами и перед опасностью их восстания господствующие классы дрожали больше, чем перед внешним врагом, ибо никакие преграды не могли защитить их от этих внутренних врагов, с волнующей надеждой ожидавших своих соплеменников, чтобы совместно с ними расправиться со своими угнетателями.

Вот почему Амвросий с горькой иронией говорит об Альпийских горах и о «наваленных кучами деревьях», видя в этих естественных и искусственных преградах, сооруженных в ущельях Альп, лишь «стену позора». Он даже радуется естественной смерти Сатура, которая избавила его от страшных бедствий, угрожавших «гибелью всего мира». «Он взят от нас, чтобы не попасть в руки варваров; он взят, чтобы не видеть гибели и кончины мира, чтобы не видеть смерти родственников и соотечественников своих... Твоим близким угрожала величайшая опасность от недругов, от врагов бесчеловечных, бесстыдных, не заботящихся о спасении» (там же).

Что под этими врагами Амвросий разумел не только внешних варваров, но и внутренних, поселенных уже в империи в качестве наемников, колонов и рабов, настроение которых внушало ему такой панический страх, видно из многих других мест его сочинений, где он прямо называет всех чужеземцев в империи непримиримыми, прирожденными врагами римского общества и государства. Для него всякий перегрин является врагом, и он провозглашает не примирение, а ненависть, вражду, вечную войну против этих угнетенных поселян и солдат, которыми императоры из страха перед своими подданными наполнили Италию и провинции (Ambros., de offic. ministr., I, 141). Эти варвары в его глазах продолжали оставаться врагами наследственными и неисправимыми (Ambros., Expositio psalmi CXVIII, 20, 24). Они — враги без жалости, лишённые чувства человечности (Ambros., de offic. ministr., II, 71). Они — люди лукавые,

¹ J. Palanque, Saint Ambroise et l'empire Romain, Paris, 1933, стр. 488—489.

движимые только своими постыдными страстями, и против них необходимы не только сугубая бдительность, но и непрерывное недоверие, если не ненависть¹.

Восстание вестготов на Дунае в 376 г. подтвердило самые худшие опасения Амвросия, внушаемые ему и страхом и классовым чувством ненависти при виде этих «рабов земли», которые вынуждены были сложить оружие и предать себя на римской территории произволу землевладельцев и римских чиновников.

Известно, что основной причиной восстания вестготов явилась именно месть их римлянам за свое порабощение и угнетение вскоре после поселения вестготов в Мезии. Военачальники и другие офицеры, говорит Зосим (IV, 20, 6), занимались безобразной ловлей готских женщин и юношей для услужения в своих домах или для обработки своих полей. В Мезии, наполненной новыми поселенцами, шла бойкая торговля рабами, и работоторговцы, наводнив все местечки и города, обменивали продукты на рабов из готов.

За один фунт хлеба, говорит Иордан, покупали раба. И муки голода заставляли готских отцов и матерей продавать в рабство собственных детей. «Алчный торговец стал требовать в обмен за съестные припасы сыновей их, ибо родители не могли иначе обеспечить спасение своих детей: они лучше хотели пожертвовать их свободой, нежели жизнью, так как тот, кто продавался [в рабство], имел надежду, что его будут кормить с милосердием, а тот, кто оставался, должен был умирать [от голода]².

Это грубое и открытое издевательство над незащитными поселенцами, которым перед тем была гарантирована свобода и служба в войске, и послужило причиной стихийного взрыва негодования готских масс. Небольшое военное столкновение у Марцианополя было лишь той искрой, которая воспламенила в сердцах готов давно накапивавшийся гнев.

Необходимо обратить внимание на стихийность и социальную направленность вестготского восстания в его первой стадии, чтобы верно установить его действительный характер.

Стихийность восстания и его массовый антирабовладельческий характер подчеркиваются всеми источниками. Источники ясно говорят, что во всей Мезии, там, где были поселения готов, быстро образовались отдельные вооруженные отряды готских повстанцев, которые выступали самостоятельно, без какого-либо единого руководства и плана. Аммиан Марцеллин отмечает, что «враги, одевшись в римские доспехи, стали рыскать в с ю д у, не встречая никакого сопротивления, предавая огню и грабежу селения и производя страшные опустошения, где только представлялась возможность» (А m m. М а r c., XXXI, 5, 8, 9).

Фритигерн был выдвинут восставшей массой и стал во главе уже вспыхнувшего восстания помимо своей воли. Стихия восстания, очевидно, увлекла его, и он сам шел за массой восставших, может быть, против желания, и, несмотря на все усилия, ему не удалось ввести восстание в русло организованной и планомерной войны.

Кроме того, примечательна самая быстрота, с какой распространялось восстание. Оно быстро охватывало все новые районы, быстро перебросилось в соседнюю Фракию и захлестнуло две огромные провинции. Этому успеху и размаху восстания содействовало, несомненно, то, что к вестготам повсюду стали массами присоединяться мезийские и фракийские рабы

¹ A m b r o s ., de offic. ministr., II, 136; III, 84; de Tobia, 39; contra Auxent., 29; Epist., XV, 5, 7; XXIV, 8.

² J o r d a n ., Get., XXVI. Cp. A m m. M a r c., XXXI, 4, 9—11; 5, 1—3; E u n a p., fr. 42.

и колонны. Вспомним, как быстро распространялось восстание Спартака в Италии, наполненной рабами и обезземеленными крестьянами. Вспомним, что вся Мезия и Фракия были также наполнены рабами и колоннами варварского происхождения и классовые противоречия здесь еще перед поселением вестготов были резко обострены.

С и н е з и й, епископ Птолемаидский, говорил, что в его время всякий сравнительно богатый дом имел большое количество рабов-скифов из взятых в плен во время вторжений (Orat. de regno, 15, Migne, PG, LXVI, стр. 1093). Еще большее количество пленных варваров были поселены в Мезии и Фракии на правах колоннов¹.

Поэтому сейчас же после начала восстания эти поработанные колонизаторами варвары целыми толпами покидали дома и поля своих испуганных господ и, присоединяясь к вестготам, быстро увеличивали число повстанцев. «Готы, — пишет Аммиан Марцеллин, — рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их соплеменники или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие продуктов» (XXXI, 6, 5, 6). Здесь под «соплеменниками» и «пленниками», оказавшими вестготам активную поддержку, Аммиан Марцеллин, несомненно, разумел варварское население из переселенных в предшествующие времена, сдавшихся или плененных карпов, бастарнов, сарматов и других варваров, так как о поработанных вестготах он специально вслед за этим говорит: «Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью для них являлось то, что со дня на день присоединялось к ним множество соплеменников из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, кто в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба» (там же).

Но к вестготам присоединялись не только рабы и колонны варварского происхождения. Туземное гето-фракийское население, пребывавшее под римским гнетом и никогда с ним не примирявшееся², смотрело на восставших вестготов как на своих освободителей и с радостью вливалось в их ряды. «К ним присоединялось также, — продолжает Аммиан Марцеллин, — много рабочих с золотых рудников, которые не могли снести тяжести оброков. Они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местам готам, которым они показывали скрытые хлебные амбары, места убежища туземцев и тайники» (XXXI, 6, 5, 6).

Это была многочисленная категория туземного населения Фракии, обязанного выполнять повинность по добыче золота в богатой золотыми приисками провинции. Известно, что при римлянах во Фракии интенсивно разрабатывались богатые золотые рудники в Пангейских горах, в Филиппах и особенно богатейшие золотые рудники на горе Бермион. Точно также Гебр содержал в своем песке много золота. Эти прииски находились в бывшей стране бессов, на хребте Родопских гор, которые тянулись между двумя македонскими городами — Филиппами и Филиппополем. Разработка их началась еще при Филиппе II Македонском, но римляне значительно расширили добычу золота, и, следовательно, горнопромышленное население, обложенное принудительной повинностью, должно было представлять многочисленный слой фракийского населения, главным образом бессов. Римские писатели очень часто упоминают о бессах, добывавших золото

¹ SHA, Aurel., 30, 4, 5; Prob., 18, 1, 2; Car., 8, 1; 9, 4; Aur. Vict., de caes. 39; Eutrop., IX, 18; 25; Paneg. lat., VIII (V), 5, 3; Oros., VII, 25, 12; Amm. Marc., XXVII, 5, 5; Euseb., Hist. eccl., V, 4, 6.

² Амм. Марс., XXVII, 4, 10; Oros., V, 23, 17—18; Sidon., Carm., II, 34.

из земли и из рек¹. Среди фракийского населения бессы особенно славились своим искусством рытья глубоких ям со штольнями, что находило применение при осаде городов, когда нужно было производить подкопные галереи под стены (V e g e t., II, 11; IV, 24).

Положение этого горнопромышленного населения было очень тяжелым. Тяжелые оброки и повинности, о которых упоминает Аммиан Марцеллин, свирепый режим и каторжная работа в рудниках делали жизнь этих *aurileguli metallarii* невыносимой, и они часто спасались бегством от жестокостей администрации рудников.

П а в л и н, епископ Ноланский, в стихотворении, посвященном епископу Никите Ремезианскому, который в конце IV в. проповедывал у бессов христианство, указывает на исключительное свободолюбие и воинственный характер этих покоренных римлянами туземцев, которые «никогда не склоняли головы в рабстве» и часто убегали в горные пещеры, где жили как *latrones* (Carm. XXX, M i g n e, PL, LXI, стр. 48). Император Валент в 370 г., незадолго до восстания вестготов, издал строгие законы против этих *vagantes*, предписывая вооруженной силой вылавливать их и принудительно возвращать на работу в рудники (Cod. Theod., 7, 19, 5, 7).

Именно эти многочисленные подневольные рабочие рудников первыми присоединились к восставшим вестготам и активно помогали им и при осаде укрепленных городов и в других случаях.

Этот союз готов с восставшими рабами, колонами и подневольными горнопромышленными рабочими определил с самого начала и социальную направленность восстания вестготов. Это был не военный бунт наемников, как пытаются представить дело буржуазные историки. Это было и не дикое истребление варварами римской культуры, римского населения и его имущества, как повествуют нам римские писатели. Это была классовая война, восстание эксплуатируемых против эксплуататоров, революция поработенных масс, изливавшая свою ярость против вековечных угнетателей, сметавшая их вместе с их свирепым режимом угнетения.

Аммиан Марцеллин, описывая «насилия вестготов над свободными людьми», ясно показывает, что эти насилия совершались не над всеми вообще «свободными людьми», а только над имущими и знатными лицами. «Повсюду, — пишет он, — производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. Знатнейшие римские мужчины, матроны, юноши и девушки уводились за Дунай как рабы... Гнали бичами пораженных ужасом женщин... слышались стоны подростков и девиц благородного происхождения, уводимых в плен с закрученными за спиной руками... Тут же гнали, как дикого зверя, свободнорожденного человека, который незадолго перед тем был богат и свободен. В один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах» (A m m. M a r c., XXXI, 8, 6, 7, 8. Ср. S o c r a t., Hist. eccl., IV, 38).

Фракийская равнина, где по преимуществу сосредоточивались богатые владения римских колонизаторов, подверглась особенно большому опустошению и разгрому (A m m. M a r c., XXXI, 8, 6). Только большие, окруженные крепкими стенами города стали единственным убежищем для знатных и богатых лиц.

Однако Евнапий, конечно, сильно преувеличивает, когда говорит, что «варвары, истребляя убийственной рукой побежденных, лишили области их жителей», и что «страна [Фракия] вследствие этой войны остается необитаемой» (E u n a p., fr. 43). Ничего подобного не было. У нас есть

¹ P a u l i n. N o l., Carm. XXX, M i g n e, PL, LXI, стр. 488; P a s a t., Paneg. Theodos., 28; C l a u d i a n., de cons. Manlii Theodori, 38.

указания на то, что восставшие не только не подвергали хозяйства рабовладельцев полному разгрому и опустошению, но, захватывая их, оставляли их в целости и сами утверждались в них на правах владельцев, обращая прежних собственников в своих слуг. Это, очевидно, имеет в виду Иордан, когда говорит: «и начали готы уже не как пришлые и перепрыны, а как полноправные граждане и господа властвовать над землевладельцами и хозяйствовать во всех северных областях до Дуная... В то время визиготы, овладев после такой славной победы [под Адрианополем] Фракией и прибрежной Дакией, стали там возделывать землю как свою родную» (Get., XXVI, 138).

Здесь речь идет не только о готах-германцах, но и о гето-фракийском туземном населении, о гетах, которые жили во Фракии и Мезии испокон веков и теперь, свергнув римское господство, завоевали себе право жить на своей родной земле (*genitalis terra*), как полноправные граждане и господа, расселяясь на землях, захваченных римскими колонизаторами¹. Действительно, если допустить, что у Иордана и других римских писателей речь идет только о тех готах, которые, по договору с Валентом, в 376 г. перешли Дунай и поселились в Мезии, то как могла удерживать под своей властью столь долгое время такое огромное пространство сравнительно небольшая группа врагов? Число вестготских воинов при переправе через Дунай не превышало 10—15 тысяч человек². Это число совершенно недостаточно, чтобы контролировать во вражеской стране огромное пространство, занимаемое Новой Дакией (Мезией) и Фракией.

Очевидно, сами вестготы, начавшие восстание, растворились в массе поднявшегося на борьбу против римского господства туземного населения этих провинций. Оно послужило неисчерпаемым боевым резервом для готы, и, получая его, армия Фритигерна росла не по дням, а по часам. Бросаемые против восставших отряды римских войск в окружении враждебного им населения терпели поражения и, деморализуемые неудачами, или дезертировали, или перебежали на сторону восставших. Аммиан Марцеллин сообщает, что перед битвой при Саликах в 377 г. к готам перебежали целые толпы римских солдат, осведомляя врагов о всех планах римского командования (XXXI, 7).

Дезертирство приняло массовый характер, и немного позднее император Феодосий I должен был целым рядом суровых постановлений восстанавливать дисциплину в своей армии, действовавшей против повстанцев. Его законы от 379—383 гг., изданные как раз во время борьбы с повстанцами во Фракии, угрожали актерам и прокураторам имений за укрывательство дезертиров сожжением (Cod. Theod., VII, 18, 2).

Адрианопольское сражение 9 августа 378 г. окончилось катастрофой именно потому, что на ход операций и на всю военно-стратегическую обстановку оказывало сильное воздействие освободительное движение народных масс, активно участвовавших в сражении на стороне вестготов. Зосим об этом ясно говорит. Так, о готах он замечает: «так как они были удовлетворены тем, что вследствие своей победы сделались господами Македонии и Фессалии, то не установили никакой охраны, оставили города свободными и не желали предпринимать в них никаких недружелюбных действий, чтобы взыскать с них некоторую долю налогов» (Zosim., IV, 31, 5).

С другой стороны, о действиях римских властей он пишет: «когда император (Феодосий I) увидел, что ушли они (готы) из городов, чтобы

¹ О смещении и отождествлении Иорданом и другими позднейшими писателями готы с мезийскими и фракийскими гетами я говорю подробно в подготовленной работе: «Восточные провинции Римской империи в эпоху вторжений варваров».

² Н. Delbrück, Geschichte der Kriegskunst, II, Berlin, 1902, стр. 280—297

устроить свои хозяйственные дела, то... постановил он... чтобы сборщики налогов взыскали с них (городов) со всей строгостью все, что было на них начислено. И можно было видеть, что отбиралось (у населения), все, что оставило человеколюбие варваров. Не только деньги, но и женские украшения и всю одежду вплоть до последней рубашки нужно было отдавать в качестве налога. Не было ни города, ни деревни, где не раздавалось бы воплей и стонов. Все призывали варваров и умоляли их о помощи» (Z o s i m., IV, 32, 2, 3). И Е в н а п и й замечает: «Сила разврата была такова, что начальники городов поступали враждебнее врагов... Наводные бедствия были так велико, что [для подданных] казалось золотом, белым днем, когда варвары одерживали победу» (fr. 50).

Таким образом, источники прекрасно иллюстрируют слова Энгельса: «варваров, от которых оно [римское государство.— А. Д.] бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»¹. Это и было решающим фактором, обусловившим полный разгром и уничтожение отборных римских войск в знаменитой битве при Адрианополе. Буржуазная историография, игнорируя этот главный фактор, не может объяснить столь грандиозной катастрофы римлян у Адрианополя, которая, как известно, явилась началом конца римской военной мощи и от которой империя уже не могла оправиться.

Битва при Адрианополе истребила цвет римского войска и передала провинции в руки восставших. Ни горы, ни узкие проходы не могли преградить им путь, и восстание распространялось по соседним областям, охватывая весь фрако-иллирийский мир от Понта и до Юлийских или Венетских Альп. Отряды восставших уже показались на хребтах Юлийских Альп, где к ним могли присоединиться скрывающиеся тут беглецы от римского гнета — иллирийские *latrones*. Одна надпись, найденная около Триеста, показывает, что иллирийские *latrones* имели своим постоянным убежищем именно Юлийские Альпы, и эта местность носила название «*Scelerata*» (CIL, V, suppl., ed. P a i s, № 58, 1110; ILS, 2646).

В то же время все варварские народности, жившие по ту сторону Дуная от Понта до Паннонии, пришли в движение и, прорвавши пограничный вал, оставленный римскими солдатами, вторглись в провинции, объединяясь с повстанцами (A m m. M a g c., XXXI, 8). Положение империи действительно сделалось грозным, и римскому господству на Дунае был нанесен сокрушительный удар (Z o s i m., IV, 21, 1; O r o s., VII, 34,5). На западе германцы угрожали вторжением в незащищенную Галлию, а на восточных границах готовился напасть на римские владения непримиримый враг — персидский царь.

Известия о событиях и о гибели Валента взволновали правящую знать и высшие классы римского общества. Пророчества, предсказания, слухи о знамениях и чудесах наполнили империю. Пророчатели и авгуры возвещали многочисленные несчастья, и на древних стенах зданий появились надписи о близкой катастрофе.

Это паническое настроение нашло свое отражение и в некоторых литературных памятниках того времени. Мы имеем одну в высшей степени интересную проповедь П с е в д - Е ф р е м а «*de fine mundi*», неизвестный автор которой, пользуясь библейскими символами и фразеологией, в форме, обычной для эсхатологических произведений, излагает те перемены и потрясения, которые произвела революция на Дунае².

¹ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1947 г., стр. 168.

² Эта проповедь была найдена в двух рукописях, относящихся к VIII в. Хотя точно установить, к какому времени относится самая проповедь и на каких исторических событиях она акцентирует свое внимание, не представляется возможным, однако

Большой отрывок, который интересует нас, заимствован, несомненно, из проповеди Ефрема Сирина, произнесенной в 378 г., после Адрианопольского сражения, ярко отражающей современные ему события в дунайских областях.

Хотя автор дает описания в апокалиптической форме, но о нем можно сказать словами Энгельса: он пророчествует «по существу лишь о таких событиях, которые давно уже произошли и прекрасно известны действительному составителю»¹. Различные признаки конца мира он заимствует из современной ему действительности, прекрасно отражая перед нами события на Дунае. Конечно, его проповедь содержит большое количество библейских оборотов и преувеличений, но при всем этом в ней можно увидеть очертания исторической действительности, вызвавшей к жизни этот литературный памятник.

Проповедник убеждает слушателей, что конец мира близок, что колеблется уже римское государство, падает римское владычество на земле, наступают новые времена (ук. соч., стр. 210, 214). Усилились вторжения варваров, и покинутые римлянами земли наполняются гнуснейшими народами, которые по виду кажутся более похожими на зверей, чем на людей, и никто не может уже защитить себя от них. Многие народы восстали против римского государства, многих уводят в плен, многих губит меч, вследствие повсеместных гонений и убийств многие в страхе покидают свою страну (там же, стр. 210).

В идеологической сфере освободительная борьба фрако-иллирийского народа находила свое выражение и в арианском движении. «Догматы, — говорил Марк, — были государственно-мировыми вопросами»². Эти слова блестяще объясняют нам ту ожесточенную религиозную борьбу, которая происходила между арианами и православными. Для нас становится очевидным, что эти чисто догматические разногласия были лишь отражением в идеологии ожесточенной классовой борьбы в дунайских провинциях. Здесь арианство утвердилось еще со времени Константина I, и сами вестготы были арианами. Вся Фракия и вся Иллирия были арианскими, и фрако-иллирийские епископы-ариане были вместе с тем политическими вождями тех оппозиционных Римской империи сепаратистских группировок, которые возникли здесь в процессе развития народно-освободительной борьбы.

А м в р о с и й М е д и о л а н с к и й в своем сочинении «de fide», написанном осенью 378 г., сейчас же после Адрианопольского разгрома³, точно обозначает, где действовали эти сепаратисты-еретики. «Слышим мы, — пишет он, — что восстание варваров сопровождается ужасным шумом нечестивых проповедей, безбожным пением и молитвами во всех областях фракийского диоцеза, в Дакии, Мезии и во всей Паннонии. Естественно, что не могло быть никакой защиты от вторжений соседних варваров со стороны тех, которые сами замыслили передать под власть варваров римское государство» (de fide, II, 16, 140, M i g n e. PL, XVI, стр. 589).

Это как раз те области, где бушевала народно-освободительная борьба.

исследователи пришли к убеждению, что это произведение является компиляцией неизвестного автора VII—VIII вв., который использовал эсхатологические сочинения, относящиеся к более раннему времени, механически скомпоновал их и выдал за проповедь Ефрема Сирина. См. текст проповеди и исторические изыскания у С. С а s p a r i, Briefe. Abhandlungen und Predigten aus den zwei letzten Jahrhunderten des kirchlichen Altertums und dem Anfang des Mittelalters, Christiana, 1890, стр. 208—220.

¹ Ф. Э н г е л ь с, К истории раннего христианства, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 417.

² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. I, изд. 1928, г., стр. 206.

³ J. P a l a n q u e, Saint Ambroise et l'empire Romain, Paris, 1933, стр. 498

Епископы-ариане этих областей были обвинены не только в государственной измене, но и в проигранном сражении, а также в губительных явлениях природы, как-то: чуме, неурожаях, голоде и т. п., как следствии божьего гнева за их нечестие, что видно из посланий, отправленных готским епископом Максимином Амвросию. Спасаясь от преследований, арианские епископы должны были бежать к врагам империи — готам¹.

Точно так же из письма папы Иннокентия (401—417) епископу фессалийскому Руфу видно, что римская церковь поручала Руфу преследование ариан в церквях Фессалии, Ахайи, Эпира, Крита, Дакии, Мезии, Дардании и Превалы (*M i g n e*, PL, XX, стр. 515). За исключением Крита, все эти провинции после Адрианопольского сражения фактически отпали от империи, и теперь путем насильственно проводимой ортодоксами религиозной унии правительство стремилось идеологически и политически снова подчинить их.

И тот факт, что погибший Валент, при жизни которого вспыхнула на Дунае народно-освободительная война, сам был арианом и преследовал никеев, давал в руки ортодоксов прекрасный повод к тому, чтобы действовать правительству и побуждать центральную власть к решительному искоренению в мятежных провинциях всех революционных и оппозиционных элементов под видом сокрушения врагов истинной веры — еретиков (*A m b r o s., de fide; O r o s., VII, 33*). Уже Грациан, вдохновляемый ортодоксами, начал жестокое преследование еретиков. С еще большей силой продолжал это дело правоверный преемник Валента — Феодосий I².

Вместе с тем Феодосий I в 379 г. начал войну за полное подавление народно-освободительного движения и полное подчинение отпавших провинций. По имеющимся источникам можно ясно проследить, что эта продолжительная война велась не только против готов, аланов, гуннов и сарматов³, но и против туземного фрако-иллирийского населения. Именно эта борьба на два фронта усложняла военные операции и мешала быстрому и успешному окончанию войны.

В то время как война против задунайских врагов после некоторых неудач и поражений окончилась успешно, борьба против внутренних повстанческих отрядов потребовала продолжительных усилий и больших жертв. Повстанцы обнаруживали искусную подвижность, против которой римские войска всегда оказывались бессильными. Они вели партизанскую войну. Из своих скрытых убежищ в горах, лесах и болотах они внезапно нападали на римские войска и причиняли им большой урон. С ними нельзя было договариваться и заключить мир. Их нужно было истребить, чтобы вновь водворить в мятежных провинциях рах Романа, немое повиновение властям.

И так как военное преследование повстанцев давало малые результаты, то Феодосий в 381 г. должен был издать закон, дозволявший каждому частному лицу убивать партизан (*Cod. Theod., IX, 14, 2*). Несмотря на это, очищение Македонии, Фессалии, Фракии и Мезии от партизан потребовало долгого времени. Оно продолжалось еще и после победы над готами. Мы знаем, что в половине 382 г. с готами был заключен мир, и 23 октября этого года последние остатки готских отрядов сдались. Придворный оратор Фемистий в своих речах славил этот день как наступление новой эры и водворение мира на земле (*T h e m i s t. Orat. 24*). Оратор

¹ *Philostorg., I, 9; Socrat., V, 7; Sozom., VII, 9.*

² *Cod. Theod., XVI, 5, 5; Socrat., V, 2; Sozom., VII, 1; Theodoret., V, 2.*

³ *Marcell. Com., Chron. ad an. 379; Oros., VII, 34, 5—6; Hydat., Chron. ad an. 379.*

с некоторым преувеличением говорил: «Гет больше не противится, Иллирия больше не опасна для путников, и к всаднику и пехотинцу вновь вернулось мужество» (Themist., Orat. 14; ср. Oros.; VII, 34, 9).

Однако в действительности Феодосий еще в течение четырех лет должен был вести во Фракии и Македонии малую войну, чтобы ликвидировать здесь отряды повстанцев-партизан и полностью утвердить римскую власть. Выступления партизан в этих провинциях усилились после заключения мира с готами. Снова разгоралась народно-освободительная борьба.

Об этом рассказывает нам Зосим. «Когда Феодосий возвратился в Фессалонику¹, он нашел Македонию полной волнений. Некоторые из варваров, которые боялись быть захваченными римлянами и скрывались в лесах и болотах, воспользовавшись отсутствием Феодосия по случаю гражданской войны, принялись грабить Македонию и Фессалию, не встречая никакого сопротивления. Но слух о победе и возвращении императора заставил их снова скрыться в своих лесах. Оттуда они очень часто тайно выходили и внезапно днем появлялись во многих местах, совершая совместно нападения, так что императору казалось, что это скорее привидения, чем люди» (Zosim., IV, 48, 1, 2).

Это были не внешние варвары, а повстанческие отряды туземцев-партизан, обычно именуемые римскими писателями «разбойниками» (*latrones*). Они находили сочувствие у местного населения деревень, которое укрывало их и помогало им. Еще в 383 г. Феодосий, борясь с этими повстанцами, должен был вновь повторить суровое постановление Валента в отношении тех, *qui latrones vel aliis criminibus reos occultaverint*. К этому постановлению он добавил еще приказание сжигать живыми тех прокураторов и акторов, которые без ведома владельца давали *latrones* убежище в поместьях (*Cod. Theod.*, IX, 29, 2). Зосим передает нам интересный рассказ о борьбе Феодосия с повстанческими отрядами в Македонии.

Желая положить конец выступлениям македонских партизан, Феодосий решил отыскать их главные убежища и истребить их. Переодетый, чтобы не быть узнанным, и в сопровождении только пяти солдат он бродил по местности, часто посещаемой партизанами, среди различных опасностей и лишений. Придя в одну деревню, он зашел в дом какой-то старухи и попросил у нее пить. Старуха приняла его очень радушно и поднесла ему вина и немного съестного, что имелось у нее. Феодосий остался у нее ночевать. Когда он лег, то заметил в углу человека, который не говорил ни слова и имел намерение скрыться. Удивленный этим, Феодосий позвал старуху и спросил ее, что это за человек. Она ответила, что не знает, что ей известно только то, что после того как в деревне распространился слух о прибытии императора с войском, этот человек пришел к ней в дом и попросился переночевать. С тех пор он стал проживать у нее, и за это ежедневно платил ей. Каждое утро он уходил из дому и шел неизвестно куда, а вечером возвращался, ужинал и оставался ночевать, как это он и видит сейчас.

Император не пренебрег этим рассказом старухи и пожелал узнать истину. Он обратился к человеку и спросил его, кто он такой. Когда тот продолжал молчать, его начали сечь, но муки тела не могли вырвать из его уст никакого слова. Император скомандовал солдатам проколоть неизвестного острием своего меча и объявил, что он — Феодосий. Тогда человек признался, что он — разведчик тех «варваров», которые скрывались неподалеку в болотах и что он осведомляет их, где находится рим-

¹ В 386 г. после гражданской войны и победы над узурпатором Максимом на За-

ское войско и на какие места или на каких лиц следует нападать (Z o s i m., IV, 48, 6).

Феодосий отрубил ему голову и направился со своим стоявшим вблизи отрядом войск туда, где, как он узнал, были тайные убежища повстанцев. Скрывавшиеся повстанцы были окружены. Не видя спасения, они стали выскакивать из болот, пытаясь спастись бегством, но солдаты убивали их или топили в воде. Однако всех повстанцев не удалось истребить, и когда солдаты Феодосия беззаботно предались в лагере сну, оставшиеся в живых враги напали на них. Опасность грозила самому Феодосию, и он должен был бежать, но во-время подошли новые войска и истребили всех врагов (Z o s i m., IV, 48—49).

Этот любопытный рассказ, знакомящий нас с операциями римских войск в борьбе против македонских партизан, мы находим только у Зосима. Правда, Зосим называет этих партизан «варварами». Но весь ход его рассказа и отдельные эпизоды, приводимые им, показывают, что эти «варвары» были туземцами. Их разведчиком, по выражению Зосима, был «ἀνδρῶτος», очевидно, местный житель, иначе непонятно, почему Феодосий учинил ему такой строгий допрос с применением пытки, чтобы только узнать, кто он такой. Точно так же по ходу рассказа Зосима ясно, что «человек» совершенно свободно говорил с Феодосием на понятном ему языке и что старуха, хозяйка дома, у которой остановился Феодосий, была прекрасно осведомлена, что за «ἀνδρῶτος» проживает у нее и что он делает. Она только притворилась, что ничего не знает, и, следовательно, сама сочувствовала и «человеку», проживавшему у нее, и тем, с кем он держал тайную связь.

Все говорит за то, что и этот «ἀνδρῶτος» и эти «βάρβαροι» не были пришлыми людьми, забредшими в чужую и незнакомую страну, а были местными жителями македонских деревень. Это были *latrones*, которые вели партизанскую борьбу против римского гнета. Против них действовали сформированные из сдавшихся готов отряды, а также принудительно мобилизованное местное население городов и деревень (Z o s i m., IV, 25, 2), которое, однако, всячески избегало мобилизации, прибегая даже к самоизувечению (Cod. Theod., VII, 13, 10) или перебегая к повстанцам (Cod. Theod., VII, 18, 2—8).

И еще долго дунайские провинции очищались от партизан. Военная борьба за полное утверждение поколебленного восстанием вестготов и революцией рабов римского господства на Дунае сменилась жестоким религиозным преследованием еретиков под знаменем никейского православия, признавать которое беспрекословно призывалось все фрако-иллирийское население под страхом изгнания, конфискации имущества, пыток и даже смерти на костре.

